

Кундакбаева Ж., Телеуова Э.

**Положение женщины
в казахском обществе
(до 1917 г.): историко-
юридические материалы
(обычное право) и культурные
традиции казахов**

В статье сравнивается культурное прочтение положения казахской женщины с точки зрения казахской традиционной культуры и европейского взгляда российских чиновников и ученых, которые занимались различными аспектами обычного права казахов. Авторы поднимают вопрос об историко-культурной ценности различных списков казахского обычного права на основе методологии антропологически ориентированного источниковедения. Авторы приходят к выводу, что необходимо пересмотреть клишированные выводы предшествующей историографии, которая оценивала положение женщины в обществе, отталкиваясь сугубо от норм, принятых в европейском обществе. Практическое воплощение норм адата было намного вариативнее, чем было записано российскими чиновниками. К тому же не следует забывать о роли женщины в хозяйстве казахов, особенностях отправления мусульманских культов в повседневной жизни. Таким образом, более глубокое изучение данного вопроса требует ввода в научный оборот источников фольклорного и этнографического характера, что позволит воссоздать более полную картину гендерных ролей в казахском социуме.

Ключевые слова: обычное право казахов, калым, левиратный брак, колыбельное сватовство, шариат, российская законодательная система.

Kundakbayeva Zh., Teleuova E.

**Women status in Kazakh society
(до 1917 г.): historical-juridical
sources (customary law) and
Kazakh's cultural traditions**

This paper compares cultural reading of the Kazakh women's status from the point of view of the Kazakh traditional culture and Russian officials and scholars' European view. Authors had raised question about value of different editions of the Kazakh's customary law on the basis of the influences of postmodern theory on historical research and primary sources interpretation. Authors had concluded about re-writing of previous historiography clichés, when the women's status had been evaluated only from European cultural norms. Practical implementations of the Adat norms in Kazakh society were more variable, than it was fixed by Russian officials. Furthermore we shouldn't forget women's role in Kazakh-household and peculiarities of Muslim cult on Kazakh's ordinary life. Thus in orders to more deeply investigate this issue we need using more folklore and ethnographic sources. They allow us to reconstruct a more complete picture of gender roles in the Kazakh society.

Key words: Kazakh's customary law, kalym, levirate marriage, sharia, Russian juridical system.

Кундакбаева Ж., Телеуова Э.

**Қазақ қоғамындағы
әйел жағдайы (1917 жылға
дейінгі): тарихи-құқықтық
мәліметтер (әдеттегі құқық)
және қазақтың мәдени дәстүрі**

Мақалада қазақ қоғамында қалыптасқан әйел жағдайы еуропалық және ресейлік авторлардың еңбектерінде әдеттегі құқық мәліметтеріндегі көзқарастардың кейбір мәселелердегі «тағылған» ұстанымды көрсетуіне көңіл бөлінгенін қарастырады. Сонымен қатар, қазақтың әдеттегі құқығындағы әйелдің орны туралы антропологиялық және этнографиялық декреттердің қолдану аясына ерекше көңіл бөледі. Еуропа қоғамында қабылданған әйелдің орнын дәстүрлі қоғамға қатысты қолданудың кейбір әдеттегі баптардың дұрыс қабылданбауының ықпалын ашып көрсетті. Қазақ қоғамындағы әйелдің орны ислам арқылы қарастырудың маңызы қарастырылады. Қазақтың тұрмысындағы әйелдің рөліне қатысты зерттеулердегі көзқарастар ортаға салынады. Авторлар болашақта ауызша тарихтағы мағлұматтардың негізінде қазақтың әлеуметтік ортасындағы әйел жағдайын толығымен талдауға мүмкіндік алу мәселесін ұсынады. Ресейдің отарлау саясатындағы заңдық жүйесінің әдеттегі құқықтың қолданылуына шектеде дәстүрлі әдеттегі түсініктер өзгеріске ұшырауын қарастыруға болады.

Түйін сөздер: әдеттегі құқық, қалың мал, левиратты неке, атастыру, шариғат, ресейлік заң жүйесі.

**ПОЛОЖЕНИЕ
ЖЕНЩИНЫ
В КАЗАХСКОМ
ОБЩЕСТВЕ (до 1917 г.):
ИСТОРИКО-ЮРИДИ-
ЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
(обычное право)
И КУЛЬТУРНЫЕ
ТРАДИЦИИ КАЗАХОВ**

После прихода к власти большевиков одной из важнейших задач социалистического строительства стало вовлечение женщины в строительство нового общества. Для этого советская власть проводит специальную политику, направленную на изменение правового и социального статуса женщины в обществе под лозунгом эмансипации. Для того чтобы осмыслить гендерные аспекты конструирования новой советской идентичности, следует обратиться еще раз к проблеме каково было положение женщины в казахском обществе – ее имущественные права, права в семейно-брачных практиках казахов, место в общественном разделении труда, право голоса в публичной сфере до прихода большевиков к власти?

К тому же, рассматривая такие социальные институты, как калым, левиратный брак, вдовство, развод, на протяжении длительного времени их функционирования, легче понять, какие из их характеристик оказываются наиболее устойчивыми, а какие, наоборот, подвержены изменениям.

Для ответа на данные вопросы мы должны подумать об источниках изучения. Безусловно, важнейшим из них являются положения казахского обычного права – адат. Адат как самостоятельная система права со своими особенностями сохранился в Казахстане до самой революции. Но в начале XX в. на обычное право казахов оказали влияние нормы мусульманского права – шариата, особенно в южных областях Казахстана, а накануне революции и российское законодательная система [1].

Изучение системы права казахов до 1917 г. осложняется тем, что в Казахстане не было единого писаного права. Казахское обычное право – адат передавалось из поколения в поколение в устной форме. После вхождения Казахстана в состав Российской империи российские власти стали ездить по степи и записывать нормы обычного права непосредственно из рук знатоков – казахских биев, аксакалов и старейшин [1, с. 11]. Следует подчеркнуть, что интерес России к юридическим обычаям инородцев был обусловлен стремлением приспособить нормы обычного права колонизаторским интересам. Надо отметить, что развитие юридической антропологии в России значительно усилилось после 1860-х годов. В этот период были выработаны специальные программы по изучению юридического быта ка-

захов; в работу включились офицеры Генерального штаба, чиновники, деятели статистических комитетов, различных научных обществ, представители местной интеллигенции [2, с. 23]

Одним из первых приводит свод норм обычного права казахов А.И. Левшин. Сведения А.И. Левшина дают нам возможность ознакомиться о более раннем этапе развития казахского обычного права [3].

В настоящее время нормы обычного права казахов опубликованы в 1998 г. в сборнике Материалов по обычному праву казахов [2]. В нем собраны различные памятники обычного права казахов в записях русских чиновников. Среди них материалы по обычному праву, опубликованные проф. Варшавского университета Самоквасовым в его «Сборнике обычное право Сибирских инородцев» в редакции Архива Санкт-Петербурга. Особую ценность данной публикации придают заключения на каждую статью, сделанные на полях Омским особым комитетом. Также в данной книге опубликованы материалы по казахскому обычному праву, собранные в соответствии с Положением об Управлении Оренбургскими киргизами от 14 июля 1844 г. по приказу председателя Оренбургской пограничной комиссии генерал-майора Ладыженского. Весьма ценны материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником по особым поручениям д'Анре, командированного в казахские степи по разрешению Оренбургского военного губернатора Обручева в июле 1846 г. В данном сборнике Материалы д'Анре опубликованы на основе его черновиков. Материалы хранились в ЦГА РК и публикуются в данном сборнике впервые. Пожалуй, самым систематизированным выглядят материалы по казахскому обычному праву, опубликованные военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзком в 1871 г.

Безусловно, мы не можем не отметить ценность проделанной работы. Но при использовании обычного права источника изучения возникает ряд проблем. В частности, русские чиновники не знали казахского языка, и при сборе данных изъяснялись через переводчиков. Другая проблема – сведения собирались по определенным программам в интересах колониальной администрации, следовательно, что не входило в круг непосредственных интересов администрации, то не нашло места в окончательной редакции. Информаторы о казахском праве также играли важную роль. Кто был поставщиком сведений? Нередко ими были муллы, казии, лица,

которые судили только по шариату, поэтому они нередко выдавали нормы шариата за правила казахского обычного права. И, наконец, нельзя не отметить, что нередко в суждениях русских чиновников заметен европейский взгляд, пренебрежение, но иногда идеализация государственного устройства, права и суда казахов – одним словом, высока роль субъективных оценок [2, с. 15]. Как отмечал Стасевич, современный российский антрополог, имеющиеся в нашем распоряжении сборники имеют значительное расхождение, а нередко и противоречивые сведения, что, по его словам, «вызвано и спецификой обстановки, в которой производилась фиксация материала, и уровнем осведомленности и заинтересованности подбиравших его лиц» [3, с. 24].

Тем не менее записанные русскими чиновниками и учеными нормы обычного права казахов являются для ценнейшим историко-юридическими источниками. При критическом рассмотрении и сопоставлении с другими видами источниками они позволят нам увидеть разные стороны функционирования кочевого социума.

Что касается положения казахской женщины в казахском обществе до 1917 г., следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении списки обычного права вполне раскрывают данную проблему. При этом следует отметить, что больше всего сведений о семейно-брачной сфере. Хотя многие авторы подчеркивают пониженное положение женщины в казахском обществе, однако данное суждение представляется является весьма поверхностным. Возьмем, к примеру, принудительный принцип вступления в брак – традицию так называемого «колыбельного сватовства» (бесікқұда) [3, с. 30]. По мнению многих авторов данный принцип в большей мере касался женщин. На самом деле этот принцип задевал в одинаковой мере и права мужчин. А. Левшин, к примеру, пишет, что «молодой мужчина женится не выбору, а по назначению родителей» [3, с. 137; 4, с. 102; 5, с. 129].

При анализе прав женщин в семейно-брачном кодексе казахов, по мнению Стасевича, следует отталкиваться от того, что казахи рассматривали брак не просто как союз мужчины и женщины, а как способ регламентации социальных отношений между двумя семьями, семейно-родственными группами, родами. От того, как и с кем будет заключен брачный союз, зависели будущие отношения целых коллективов [2, с. 47].

В исторической литературе издавна считалось, что неравноправие женщин в обществе во

многим было основано на том, что при заключении брака сторона жениха должна была выплатить семье невесты так называемый калым.

Российские чиновники оставили достаточно подробные описания калыма у казахов. Наиболее детально описание калыма можно найти у Д'Анре. Так, он делит калым на три разряда. Первого разряда калым состоит из 60 баранов, 16 лошадей и двух верблюдов пяти лет, Калым второго разряда состоит из 60 баранов, 16 лошадей и двух верблюдов пяти лет. Калым третьего разряда состоит из 16 лошадей или двух верблюдов [7, с. 188].

Весьма точно неравность прав женщины подчеркнул Л.Ф. Баллюзек: «Кроме всего неограниченного произвола родителей, в основе киргизского брака лежит еще нечто в роде торговой между родителями же сделки, под которым следует разуметь так называемый калым. Это – известное количество скота, платимого женихом родителям невесты и которого величина соразмеряется с состоянием каждого женившегося киргиза. Как ни интересно знать о происхождении такого странного в деле брака, как калым, столь грубо относящийся к значению женщины, унижая ее до степени животного или вещи» [8, с. 233].

О составе калыма – платы за невесту подробно написал Баллюзек. Он состоит из шести частей: первая часть бас-жаксы – значит наилучшее. Обычно жених дарил редкие и очень красивые вещи. Особо ценились «хорошее меткое оружие», «саут или кольчуга», весьма необходимое при обороне, что было важно в условиях постоянной барымты, «скакун», неоднократно выигрывавший призы и необходимый также в случае нападения врага или для того, чтобы настичь его, и наконец, «редкий по красоте, росту и силе верблюд», полезный для кочевого быта. Особая ценность этой части калыма заключалась в том, что каждый из этих четырех составных частей его равнялся пяти штукам крупной скотины. То есть жених не имел ничего из этого состава, то он платил двадцать голов скота – жиырма. На момент обследования русскими весьма распространенной практикой стала выплата этой части калыма в виде скота, и она носила название жиырма. Кроме того, Баллюзек отмечает, что состав этой части калыма потерпел изменения. Например, кольчуга вышла из употребления, а ружье и скакун имели ценность только для страстных охотников, только верблюд сохранил свою ценность в предметах первой необходимости для казахов.

Баллюзек отмечает, что бас-жаксы под своим названием сохранился лишь в николаевском и Тургайском уездах Тургайской области и составляет от трех до двенадцати крупных лошадей или денежному эквиваленту от ста до трехсот, шести сот или даже тысячи рублей серебром. А в других частях Тургайской и Уральской областей данная часть калыма слилась с другой частью – кара мал, состав которого стал на двадцать голов больше, чем в Восточном Казахстане [8, с. 236]. Вторая часть калыма – кара мал, составляет «фундаментальную часть калыма, как бы выражающую стоимость невесты». В западной части Казахстана, где проводил свои обследования Баллюзек, это составляло двадцать голов скота, что практически означало 16 голов фактического скота плюс четыре головы будущего приплода.

В зависимости от имущественного положения казахи платили от одного до пяти жиырма. В некоторых случаях даже платили от шести до семи жиырма. В восточной части Тургайской области кара мал состоит из одного кырык жети¹ для богатых или отыз жеты для среднего достатка людей.

Третью часть калыма составляет илю – плата жениха за первое посещение невесты и первое свидание с ней. Обычно это бывало, когда невесте исполнялось 14 лет. Эта часть калыма немаленькая, в Восточной части Тургайской области она составляла никак не менее кара мала, но зачастую и побольше – в размере от 30 до 80 лошадей. В остальных частях Тургайской области и в Уральской, где величина кара мала и так велика, за илю брали до десяти верблюдов [8, с. 236].

Четвертую часть калыма составлял так называемый той-мал, скот, необходимый для свадебного обряда. Величина его зависела от величины приданого. Обычно от двадцати до семидесяти лошадей. В эту часть калыма входит и половина кошмы, которая идет на покрытие верхней части кибитки для приданого, низ кибитки покрывается кошмами за счет невесты.

Пятую часть калыма составляет так называемая плата за молоко – сут-акы. Обычно она составляет от одного до семи верблюдов. Шестая часть калыма называется джигит-түе, которая составляет два верблюда [8, с. 237].

Баллюзек отмечает, что в приведенном виде калым существует только у богатых казахов или представителей среднего класса. У бедных каза-

¹ Кырык жети – состоит из тридцати трех наличных скотин разного возраста, начиная с жеребенка одного года. Отыз жети – из двадцати шести скотин.

хов существует свой калым – бала-малы-калым, где соотношение бывало один к 5 или даже один к 15 голов скота. У беднейших слоев калым состоял всего из десяти голов скота [8, с. 237].

После того, как жених выплатил весь калым, родители невесты отдают ему невесту с приданным. Состав приданого – кибитка – отау с «приличной постелью», убранства кибитки, одежды и верховой лошадей и стадами верблюдов и лошадей. Для бедных приданое невесты составляло «кое-какая постель, верховая лошадь, обычный головной убор замужних женщин и кое-какая одежда [8, с. 238]. Калым как показатель неравного положения женщин – суждение, основанное на европейском взгляде. По словам Стасевича, для казахов калым – «не унижающая женщину сделка, а функциональный экономический и социальный институт, подтверждающий связь двух семейно-родственных групп» [2, с. 48]. Тем не менее данный социальный институт является наиболее устойчивым, дошедшим до нашего времени. Нередко, именно стоимость калыма влияла на положение женщины как в семье, так и в общине. К тому же левиратный брак был связан непосредственно с имущественными вопросами.

В описаниях обычая аменгерства особенно сильно чувствуется европоцентричность российских чиновников. Европейцы, описывающие обычай левирата, осуждали принуждение женщин к бракам, но сами носители традиции расценивали уход вдовы из родственной группы мужа как нарушение обычая, освященного правовыми нормами и религиозным законом. По-видимому, подобные случаи отказа от повторного левиратного брака были редки до распространения российских законов среди кочевников, когда женщины формально получили право оспаривать левиратные браки и обращаться к российским властям с жалобами на родственников покойного мужа. В российскую администрацию поступали не только прошения вдов об освобождении от нежелательного левиратного брака, но и требования женщин разобраться в имущественных спорах. Н.И. Гродеков отмечал, что обычай левирата, «делавший женщину принадлежностью рода», был парализован законом 1867 года, предоставившим право уездному начальнику (а в неординарных случаях – губернатору) решать брачные и семейные дела в тех ситуациях, когда одна из сторон была недовольна судом биев. Хотя в 1886 году семейные и брачные дела были изъяты из ведения русской администрации и переданы для рассмотрения в народные суды, российские власти оставляли за собой право надзо-

ра за их работой. Сами кочевники по решению семейно-брачных дел в одних случаях обращались в суд биев (с 1886 года – в народные суды), а в других случаях – в суд знатоков шариатного права, то есть казиев. При этом суды казиев не получили широкого распространения среди казахов, более популярными как до присоединения к России, так и после оставались суды биев и выборных народных судей [2, с. 79].

С начала внедрения российской законодательной системы среди казахов были нередки случаи, когда женщина, не найдя поддержки в суде биев, шла в российский суд. В случае с амангерством российский суд всегда вставал на сторону женщины, вызывая тем самым семейную вражду с неизбежными грабежом и барымтой. Законы, действующие в интересах всего рода, заменялись «европейскими» законами, поддерживающими право индивида. Тем не менее практика данного обычая была намного шире. Были случаи, когда вдове просто назначался муж, но были и случаи, когда на вдову никто не заявлял прав, и тогда родственники мужа добровольно разрешали ей выйти замуж по ее выбору, при этом не ущемляли ее права на скот и имущество и оставляли ей на воспитание малолетних детей. Согласно традиции, родные покойного получали от ее нового мужа не полностью калым, а только одну «девятку» скота или отпускали женщину вовсе без уплаты калыма [2, с. 80]. Анализ имеющихся материалов показывает, что обычай левиратау казахов был достаточно вариативен. Уже упоминалось, что вариативность положений обычного права по одним и тем же вопросам связана с тем, что в отличие от шариата адат был исключительно локальным правом. Предписания обычного права соблюдались строго, но единая трактовка «технологии» исполнения предписаний часто отсутствовала, и контроль обеспечивался общественным мнением семейно-родственных групп. Поэтому можно определить лишь круг возможных решений ситуаций, регламентирующихся нормами адата, и проследить вариативность положений адата в повседневной юридической практике. Например, вдова отпускалась к родственникам, которые брали на себя обязательства по содержанию вдовы и ее детей, сели семья покойного мужа была экономически недееспособна. Имущество мужа могло быть оставлено престарелой вдове, не имеющей несовершеннолетних, невыделенных сыновей. Вдова получала в наследство все имущество, когда у покойного не было родственников [2, с. 81].

С уверенностью можно говорить лишь о том, что юридически женщина не являлась полноправным собственником наследуемого имущества. Право женщины на наследование части семейного имущества после смерти супруга – понятие достаточно условное. До совершеннолетия своих сыновей вдова была лишь временным распорядителем имущества, наследуемого детьми, постоянно находясь под присмотром родственников покойного мужа. Бездетная вдова номинально наследовала имущество покойного, но только до обязательного повторного брака с его родственником. В случае отказа от брака она теряла право на все семейное имущество. Если же вдова имела совершеннолетнего сына, то он становился распорядителем всего состояния. Влияние женщины на своих сыновей основывалось только на ее личных качествах и на отношении к ней старших родственников покойного мужа. Таким образом, семейное имущество, оставшееся после смерти главы семьи, в любом случае оставалось в семейно-родственной группе мужа и переходило в собственность старшего мужчины. Эти права мужчины, в отличие от прав женщины, были закреплены адатом [2, с. 81]. В казахском судопроизводстве, записанном со слов..., отмечено, что женщины не могут быть свидетелями. (В данном списке несовершеннолетние, наказанные плетью, подозреваемые в совершении преступления, умышленные) [7, с. 164].

За обиду женщины погаются те же айпы, как и за обиду мужчин, конечно с различием их происхождения и звания. Но за обиду мужчинам от женщины, равно как и от детей, не погаются никакого айпа, потому что мужчине не подобает связываться с ними, а коли связался – неприлично жаловаться. Также обычаи не принимают от мужчин претензий из-за ссоры между их женами [8, с. 282]. Неравенство женщин и мужчин в большей степени проявляется в повседневных ритуалах, писанных и неписанных правилах поведения. Так, например, обычные между мужчинами приветственные слова не употребляются в отношении женщин. Исключение составляют женщины из султанского сословия. Когда при-

ветствует мужчине замужняя женщина, то она должна присесть на одно колено и провести рукавом платья по правой щеке сверху вниз. Или возьмем обычай, когда женщина не должна называть по имени родственников своего мужа [8, с. 292].

В тоже время следует отметить, что большинство авторов отмечало, что по сравнению с женщинами нормативной исламской культуры, где полностью господствовало шариатное право, казахские женщины обладали значительной свободой. Они в повседневной жизни не закрывали лицо, не находились в затворничестве, узаконенном нормами шариата, и юридически не были лишены права общения с членами других семей без разрешения мужа. Эти положения были закреплены адатом. Как при жизни, так и после смерти своих мужей женщины могли управлять целыми селениями и вести отдельное самостоятельное хозяйство, по крайней мере, до момента совершеннолетия своих сыновей.

До прихода российской законодательной системы в казахском обществе нормы шариата не оказали значительного влияния на положение женщины в повседневно-бытовой жизни, за исключением некоторых регионов. Наоборот, в этой сфере жизни можно наблюдать повышенное значение и жизнестойкость положений адата в этой сфере. Это объясняется традиционным укладом жизни кочевника и экономическим значением женщины в кочевом хозяйстве. К тому же если женщина как жена была принижена и обезличена в правах собственности и не обладала юридической самостоятельностью, то как женщина-мать имела намного больше прав.

Таким образом, внимательное изучение норм обычного права казахов является для нас источником знаний о положении казахской женщины в обществе до 1917 г. К тому же, рассматривая такие социальные институты, как калым, левиратный брак, вдовство, развод, на протяжении длительного времени их функционирования, легче понять, какие из их характеристик оказываются наиболее устойчивыми, а какие, наоборот, подвержены изменениям.

Литература

- 1 Материалы по обычному праву казахов. – Алматы: Жалын баспасы, 1998.
- 2 Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. – СПб.: Наука, 2011. – 202 с. ил. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-038260-2/

- 3 Извлечение из работы А. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей». – СПб., 1832. Ч. III // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 19-32.
- 4 О киргизских обычаях, имеющих в степи силу законов // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С.19-32, 102.
- 5 Описание о киргизских обычаях, на которых более основан порядок суда и расправы: Рапорт губернского секретаря Половоротова // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 125-132, 129.
- 6 Свод киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона: Рапорт письмоводителя Ячменева // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 134-142.
- 7 Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений Д'Анре в 1846 году // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 156-212.
- 8 Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзек в 1871 г. // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 214-300.

References

- 1 Материалы по обычному праву казахов. – Алматы: Zhalyn baspasy. 1998.
- 2 Stasevich I.V. Social'nyj status zhenshhiny u kazahov: tradicii i sovremennost'. – SPb.: Nauka, 2011. – 202 s.; il. Jelektronnaja biblioteka Muzeja antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-038260-2/
- 3 Izvlechenie iz raboty A. Levshina «Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kajsackih ord i stepej». – SPb., 1832. Ch. III // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 19-32.
- 4 О киргизских обычаях, имеющих в степи силу законов // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С.19-32, 102.
- 5 Описание о киргизских обычаях, на которых более основан порядок суда и расправы: Рапорт губернского секретаря Половоротова // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 125-132, 129.
- 6 Свод киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона: Рапорт пис'моводителя Ячменева // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 134-142.
- 7 Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений Д'Анре в 1846 году // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 156-212.
- 8 Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзек в 1871 г. // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – С. 214-300.